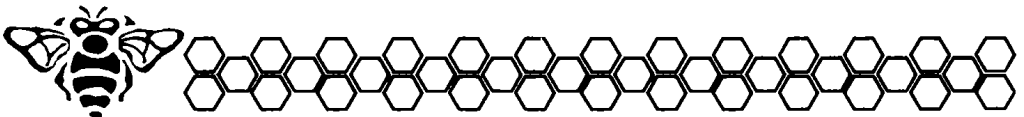

А. В. НАЗАРЕНКО

ДРЕВНЯЯ РУСЬ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПУТЯХ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОЧЕРКИ
КУЛЬТУРНЫХ, ТОРГОВЫХ,
ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
IX—XII веков

Назаренко Александр Васильевич, родился в 1948 г., выпускник романо-германского отделения филологического факультета Московского государственного университета, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Специалист по истории средних веков, Древней Руси, истории Русской церкви, автор нескольких монографий и более 100 статей

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А. В. НАЗАРЕНКО

ДРЕВНЯЯ РУСЬ
НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПУТЯХ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОЧЕРКИ
КУЛЬТУРНЫХ, ТОРГОВЫХ,
ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
IX–XII ВЕКОВ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2001

ББК 63.3(2)41
Н 19

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 99-01-16134

Назаренко А. В.

Н 19 Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с. – (Studia historica).

ISBN 5-7859-0085-8

Книга подводит итог 25-летним исследованиям автора в области международных связей Руси IX–XII вв., преимущественно с Западом. Самодовлеющие очерки по отдельным периодам или эпизодам в совокупности дают цельную картину международной активности Руси в первые четыре века ее существования. Упор сделан на углубленное источниковедческое рассмотрение малоизвестных и введение в науку новых памятников, на сопоставление древнерусских и зарубежных (латинских, византийских, древненемецких и др.) текстов, на междисциплинарный подход (привлечение методов и данных текстологии, исторической лингвистики, генеалогии, метрологии и т. д.).

ББК 63.3(2)41

В оформлении обложки использована миниатюра «Князь Ярополк Изяславич и его жена Кунигунда (Ирина), венчаемые Христом»; за спиной князя и княгини — их патрональные святые: св. Петр и св. Ирина (миниатюра из «Codex Gertrudianus», XI в.) (см. Главы XI, XII)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0085-8

9 785785 900851 >

© А. В. Назаренко, 2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Предисловие	7
Глава I. Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX—XII века)	11
Глава II. Кирилло-мефодиевская миссия и Русь: новый аспект (IX век)	51
Глава III. Русь на «пути из немец в хазары» (IX—X века)	71
Глава IV. Между арабами и варягами, Западом и Константинополем: древнерусская денежно-весовая система как результат межэтнического культурного взаимодействия	113
Глава V. « <i>Моудрѣиши вѣстѣхъ человекѣхъ</i> »: крещение княгини Ольги как факт международной политики (середина X века)	219
Глава VI. « <i>Metropolia totius Sclavorum gentis</i> »: Русь и Магдебургское миссийное архиепископство (60-е годы X века)	311
Глава VII. Накануне Крещения: Ярополк Святославич и Оттон II (70-е годы X века)	339
Глава VIII. Летописное предание об «испытании вер» князем Владимиром и политико-идеологическая реальность 80-х годов X века	391
Глава IX. Владимир — второй Павел? Следы древнейшей русской агиографической традиции о св. Владимире в латинских памятниках первой трети XI века	435
Глава X. Святополк «Окаянный» или Ярослав «Мудрый»? Международный аспект борьбы Владимировичей за Киев (1015—1019 годы)	451
Глава XI. Несостоявшийся «триумvirат»: западноевропейская политика Ярославичей (вторая половина XI века)	505

Глава XII. « <i>Unicus filius meus</i> »: происхождение Святополка Изяславича и проблема близкородственных династических браков как инструмент генеалогического исследования	559
Глава XIII. Чудо св. Пантелеимона о «русском короле Харальде»: монастырь св. Пантелеимона в Кёльне и семейство Мстислава Великого (конец XI — начало XII века)	585
Глава XIV. Русь, Запад и Святая Земля в эпоху крестовых походов (XII век)	617
Библиография	649
Список сокращений	727
Указатель имен и анонимных сочинений	731

Предисловие

Всего лишь тридцать лет назад в предисловии к своей итоговой истории внешней политики домонгольской Руси В. Т. Пашуто (1968, с. 5) вынужден был признать, что это — наука новая. Дело, конечно, не в том, что международные связи Древнерусского государства до того времени не изучали, — совершенно напротив, историк справедливо указывал на многочисленные работы своих предшественников, составляющие целую отрасль в историографии, которые, собственно, и сделали возможным его труд (там же, с. 12—13). Вместе с тем, накопление историографического материала, в том числе и обобщающего характера (сочинения И. А. Линниченко по истории русско-польских политических отношений средневековья [1884], А. В. Флоровского — по истории взаимоотношений Руси и Чехии [1935], М. В. Левченко — Руси и Византии [1956], В. Д. Королюка — Руси и западнославянских государств [1964] и др.), не привело к сложению представления о международных политических, этнокультурных, торговых связях Древней Руси как именно о внешней политике, т. е. явлении, предполагающем устойчивость, целенаправленность, преемственность и системность. Вот почему новаторство труда В. Т. Пашуто состояло не только в сведении воедино и синоптическом изложении разрозненного материала (хотя он и впечатляет уже одним своим объемом), но и в попытке его систематического осмысления, выявления в нем структурных элементов, тенденций, его периодизации.

В свете сказанного мы рассматриваем предлагаемую вниманию читателя книгу как прямое продолжение работы, начатой В. Т. Пашуто. Подчеркнуть это тем более важно, что за истекшие с момента появления труда В. Т. Пашуто тридцать с лишним лет мысль о внешней политике Древнерусского государства нашла не только сторонников и продолжателей, но и принципиальных оппонентов, заявивших о себе прежде всего в зарубежной русистике (в качестве примера назовем последние по времени крупные работы: Rüss, 1980, S. 200—424; Goehrke, 1992; Franclin — Shepard, 1996). Причины такого неприятия очевидны, да они и не скрываются: историки, либо сознательно и целенаправленно архаизирующие уровень государственно-политического развития домонгольской Руси, либо употребляющие само понятие государства применительно к раннему средневековью только с более или менее существенными оговорками, естественно, склонны считать идею внешней политики Древней Руси явной модернизацией,

простительной лишь в той мере, в какой она (модернизация) осознается теми, кто к этой идее прибегает. Нетрудно, однако, заметить, что такая позиция грешит априорностью, ибо не опирается на обоснованное определение тех критериев и параметров, по которым производится оценка уровня государственности (ср., например, нашу подробную рецензию на труд К. Гёрке: Назаренко, 1996б, с. 154—185). Этот дефект вряд ли до конца устраним: ведь источники таковы, что судить по ним о развитии государственности сложнее, чем о состоянии тех же международных связей, которые значительно отчетливее отражены и в текстах, и в археологическом материале. Отсюда следует важный методический вывод: если мы и в самом деле признаем принципиальную взаимосвязь между уровнем государственно-политического развития, с одной стороны, и международных связей — с другой, то куда резоннее было бы строить рассуждение иначе, поменяв местами посылку и заключение — по состоянию международных связей, их качеству и уровню судить о степени развитости самого государства. Тем самым тема системности международных связей Руси приобретает эвристическую ценность для проблематики становления самого Древнерусского государства.

Нам могут возразить, что направленность таких умозаключений была бы противоположна направленности реальных причинно-следственных связей, поскольку состояние государства определяет его внешние сношения, а не наоборот. Даже если бы это было так и только так, то все равно не могло бы служить препятствием для суждений *de causis e sequentiis* — о причинах по их следствиям. Но так ли уж бесспорен и сам исходный постулат? Думается, вряд ли. И особенно сомнителен он, когда речь заходит о периоде сложения древнерусской государственности.

Разумеется, географическое и этническое пространство, часть которого послужило основой Древнерусского государства, обретало все более дифференцированную структуру в ходе развития этого государства и вследствие такого развития. Но очень важно учитывать также и то, что само исходное пространство вовсе не было совершенно аморфным и бесструктурным уже накануне начала государствообразовательных процессов в будущей Руси. Современная наука позволяет составить себе достаточно определенное суждение о политико-экономических, этнокультурных, физико-географических структурах, в рамках которых происходило оформление древнерусской государственности. По мере сложения и эволюции государства одни из них переходили в сферу внутренних факторов его функционирования и развития, а другие оставались за его пределами, превращаясь в факторы внешние. Если эти факторы были стабильными, то их совокупность становилась одним из организующих, системообразующих начал внешних связей молодого государства. Его международные отношения не могли быть произвольными или хаотичными уже потому, что были ограничены и вписаны в структуры более древние, чем оно само. А

эта изначальная системность международных связей не могла не оказать воздействия и на оформление самой государственности, которая, складываясь и мужая на перекрестке международных торговых путей, по соседству и в контакте с центрами мировой цивилизации того времени, просто вынуждена была соответствовать условиям места и времени. Надеемся, что главы I—VIII этой книги могут служить достаточно ярким тому подтверждением.

В то же время наша цель не в том, чтобы представить новую всеобъемлющую картину международных связей Древней Руси. Не потому, разумеется, что такая задача не имела бы смысла. Труд В. Т. Пашуто уже сейчас можно было бы и усовершенствовать, и дополнить — скажем, за счет оставшихся за его пределами данных о внешних контактах Русской церкви, о международной торговле Руси, о взаимовлияниях в области фольклора, литературы, архитектуры, прикладного искусства и т. д., за счет ряда достижений последующей науки, наконец, за счет исправления конкретных ошибок, неизбежных в исследовании такого размаха. По мере возможности, это, конечно, будет делаться и на этих страницах, но все же нельзя не видеть, что в полном объеме подобный труд — дело будущего. Он предполагает принципиально новое состояние обобщаемой историографии, прошедшей стадию кропотливого накопления и осмысления нового конкретного материала, равно как пересмотра, перепроверки, а часто и переоценки уже известного в свете усовершенствованных источниковедческих методик. Поэтому книга В. Т. Пашуто одновременно и итог, и настойчивое напоминание о необходимости дальнейших изысканий — как посвященных частным темам (историческим и источниковедческим), так и обобщающих эти частные результаты в их сумме, уточняющих или переосмысляющих на их основе прежние общие положения.

Здесь исследователь международных связей средневековой Руси сталкивается с целым рядом специфических трудностей. В древнерусских источниках сведения на эту тему редки, так что приходится иметь дело главным образом с многочисленными разрозненными данными в памятниках иностранных, использование которых весьма затруднено отрывочностью самой информации (ни для кого из зарубежных авторов того времени Русь, как правило, не представляла самодовлеющего интереса), а также тем, что историк должен быть в полной мере знаком с результатами источниковедческого изучения используемых им текстов и готов к самостоятельному их анализу. Это предполагает владение обширной разноязычной литературой, которая постоянно пополняется не только новыми результатами, но и новыми методическими подходами. Никто не признавал названных сложностей отчетливее, чем сам В. Т. Пашуто. Их преодолению как стратегической цели отечественной науки призваны были служить основанные им серийные издания — «Древнейшие источники по истории народов СССР» (тексты источников с русским переводом и археографическим и историко-филологическим комментарием) и «Древнейшие государства на территории

СССР: Материалы и исследования» (ныне: «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» и «Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования»). Их смысл, конечно же, не просто в том, чтобы вооружить историка-русиста всей совокупностью уже препарированных данных; не менее важно и другое: во-первых, максимально способствовать восстановлению основополагающего принципа исторического исследования — историко-филологического единства, некогда составлявшего одно из главных достоинств отечественной науки (достаточно вспомнить имена В. Г. Васильевского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова ...), а во-вторых — по возможности сократить, а в идеальной перспективе и вовсе ликвидировать, досадный отрыв науки о русском средневековье от европейской медиевистики (включая византинистику) в целом — от современной постановки проблем, методических принципов, инструментария. Этот отрыв тем более губителен, что до сих пор находятся влиятельные историки, старающиеся выдать нужду за добродетель: свою неспособность соответствовать современным требованиям науки — за принципиальную позицию ревнителей автаркии русистики.

Да, задача крайне сложна, и ее выполнение потребует усилий не одного поколения исследователей. Но уже есть обнадеживающие результаты; целый ряд успехов в изучении международных связей Руси последнего времени имел место на стыке собственно истории и языкознания, истории и археологии, а также тех дисциплин, которые традиционно принято относить к так называемым «вспомогательным историческим» — генеалогии, нумизматики, сфрагистики и т. п. Надеемся, что настоящая книга будет еще одним шагом в этом направлении.

Первоначальные варианты ряда глав уже публиковались в качестве статей; для настоящего издания они существенно переработаны и дополнены новой историографией. Многие, если не большинство, из изложенного в книге является результатом работы в библиотеках и архивах ФРГ, которая была бы невозможна без финансовой поддержки Фонда им. Александра Гумбольдта (Бонн) (Alexander von Humboldt-Stiftung) и Немецкого исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft), за что автор выражает им глубокую признательность.

Юже ся где бѹдѹ описалъ или не дописал, чтите исправлявая Бога дѣлая, а не клените.

12 марта 2000 г., Прощеное воскресенье
Москва

Глава I

Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX—XII века)

Два десятилетия назад мы вынуждены были начать свою статью, посвященную одному из аспектов вынесенной в заглавие темы, с безотрадной констатации, что вопрос о происхождении имени «Русь» в настоящее время, кажется, столь же далек от разрешения, как и в эпоху М. В. Ломоносова и А. Л. Шлёцера (Назаренко, 1980, с. 46). С тех пор положение мало изменилось, и проблема происхождения имени «Русь» продолжает оставаться в ряду тех *scuses interpretum*, по отношению к которым накопление историографии никак не приводит к качественным переменам в знаниях о предмете. Несмотря на это, в умах большинства историков и научной публики парадоксальным образом по-прежнему господствует убеждение, что вопрос, по сути дела, давно исчерпан и др.-русск. *русь* (написание со строчной указывает на то, что имеется в виду этноним), так же как фин. *ruotsi* «шведы» (и аналогичные формы в языках других финских народов со значением либо «шведы», либо «русские»), восходит к некоему древнескандинавскому прототипу, в качестве которого, за редкими исключениями (Кирпичников — Дубов — Лебедев, 1986, с. 202—203; авторы пребывают в необъяснимом заблуждении, что «советские лингвисты за последние двадцать лет детально исследовали происхождение этого северного названия»), обычно постулируются либо гипокористики от сложных слов с первой основой др.-сканд. **rōp-* «грести», вроде **rōps-karlar*, **rōps-menn* «участники походов на гребных судах» (идея, восходящая еще к В. Томсену: Thomsen, 1879, S. 91—136; Томсен, 1891, с. 84—87; Фасмер, 3, с. 522—523, ст. «Русь»), либо др.-сканд. **rōp(u)z* (этап до ротацизма: > **rōpR* > др.-исл. *róðr*) «гребля», с предполагаемым развитием значения «поход на гребных судах», «гребная дружина» (усовершенствованная модификация гипотезы, предложенная С. Экбу: Ekbo, 1958, s. 187—199). См., например (ограничиваемся только самыми последними работами): Мельникова, 1989, с. 297—298; она же, 1999, с. 12—13; Мельникова — Петрухин, 1989, с. 27; Goehrke, 1992,

S. 159—160; Heller, 1993, S. 35; Петрухин, 1995, с. 27—28, 51; Петрухин — Раевский, 1998, с. 271; Franclin — Shepard, 1996, p. 29—30, и др.; более осторожные формулировки (Rüss, 1981, S. 271—272) — редкость. В то же время из лагеря самих «норманистов» раздавались и продолжают раздаваться голоса, указывающие на лингвистические трудности, с которыми сталкивается эта хрестоматийная точка зрения. Не так давно немецкий историк и лингвист Г Шрамм в своей претендующей на подведение итогов работе предложил вообще отказаться от поисков древнескандинавского прототипа финской (а значит, и восточнославянской) форм как от мало-перспективных и, главное, irrelevantных для проблемы происхождения др.-русск. *русь*, для которой существенно только наличие фин. *ruotsi* (Schramm G., 1982, S. 14—16; ср. возражения С. Экбу: Ekbo, 1986, S. 354—356). Однако едва ли всякий согласится разделить уверенность автора в том, что, избавившись от этого «балласта» (Schramm G., 1982, S. 16), современный «норманизм» только упрочит свои позиции. Не молчат и «антинорманисты»: по-прежнему есть языковеды (об историках и археологах не говорим), которые не оставляют поисков потенциальных прототипов этнонима «русь» на юге Восточной Европы; так, О. Н. Трубачев (1978, с. 401—403; он же, 1993, особенно с. 34—38) пытается обосновать его происхождение из языка остатков индоарийского населения в Северном Причерноморье.

Всем этим как традиционным, так и новаторским гипотезам присущ один общий методический момент: проблема происхождения этнонима «русь» открыто или подспудно ставится и решается в прямой зависимости от того или иного представления о происхождении руси как этноса. Споры нет, такой подход оправдан и естествен, и он был бы единственно верным, если бы древнейшая этническая история носителей имени «русь» была в должной мере ясна современной науке. Однако это не так, и подобное положение вещей неизбежно делает слишком умозрительными предпринимавшиеся в последнее время попытки дать очерк истории названия «русь» в ее обусловленности этнополитическими и социальными процессами, сопровождавшими становление Древнерусского государства, иначе говоря — эволюцией той роли, которую в этих процессах играли первоначально скандинавские носители имени «русь» (Мельникова — Петрухин, 1989, с. 24—38; Mel'nikova — Petrukhin, 1990/1991, p. 203—234). Такого рода попытки создают впечатление законченности в деталях там, где нет определенности в самой основе.

Будучи увлечены соблазнительными поисками возможных исходных форм имени «русь» в той или иной этноязыковой среде, лингвисты до сих пор практически воздерживались от более прозаического анализа реально засвидетельствованных форм этого имени, как они донесены до нас различными языковыми традициями, порой весьма древними. Иными словами, изучение сложного и многообразного лингвистического факта оказалось заслонено конструированием более или менее правдоподобных арте-

фактов. Лингвист невольно движется по следам историка, тогда как тот в данном случае сам бредет наощупь. Эта непонятная робость тем более непростительна, что по отношению к одному и тому же источнику (письменному) историк и лингвист находятся отнюдь не в равном положении. Не имея непосредственного доступа к реконструируемой им исторической реальности прошлых веков, историк «тянется» к ней через источник, так что всякое историческое построение по самой своей природе опосредовано источником, являясь его толкованием. Тот же источник, будучи взят как языковой памятник, представляет собой непосредственно язык в одной из форм его исторического бытования, т. е. является лингвистическим фактом. Между тем совокупность таких фактов в виде аллографов имени «русь» / «Русь» в древнейших языковых традициях остается, повторяем, в небрежении у лингвистов при всем подчеркнутом и неослабевающим внимании к проблеме происхождения этого имени.

В немалой степени сказанное справедливо даже относительно самой древнерусской (восточнославянской) традиции. Именно отсутствием лингвистической работы, в которой были бы в этом отношении расставлены все точки над «і», можно объяснить, например, незаслуженную популярность (впрочем, в последнее время порядком увядшую) в исторической литературе представления о связи др.-русск. *русь* с названием реки Роси, правого притока Днепра южнее Киева (Рыбаков, 1958, с. 741—744; он же, 1966, с. 349—350; он же, 1993, с. 83—84; и др.). Однако древнейшие памятники предполагают гидроним с редуцированным в корне: *Ръсь, который восстанавливается на основе форм косвенных падежей типа *Рси* (родит., предлож. падеж: ПСРЛ, 1, стб. 77, 150, 330; 2, стб. 65, 137, 426 и др.; НПЛ, с. 475: «Список русских городов, дальних и ближних»), а также названия жителей Поросья *поршане* (ПСРЛ, 1, стб. 321—322; 2, стб. 323, 378, 382). Так как в южнорусских диалектах подударный *ъ* прояснился в гласный полного образования, вероятно, только в первой половине XIII в. (ДРГ, с. 20—29, особенно 27 [автор раздела — В. В. Иванов]), то связь между гидронимом и предположительно локализуемыми в этом районе носителями этнонима «русь» становится с лингвистической точки зрения крайне проблематичной (на эту сторону дела уже указывалось в литературе: Соловьев А. В., 1957, с. 135; Хабургаев, 1979, с. 218; Назаренко, 1980, с. 46—47; Schramm G., 1982, S. 24—29; Железняк, 1987). Такую связь надо было бы специально доказывать, обосновывая наличие в двух этих *nomina propria* рефлексов индоевропейского аблаута *ой / *ай : *й (как в др.-русск. *будити* : *бъдети*); между тем, современной лингвистикой происхождение и этимология гидронима др.-русск. *Ръсь* > *Рось* признаются неясными (Трубачев, 1968, с. 237, 262). Вообще же др.-русск. *русь* трудно рассматривать как исконно славянское. Действительно, переход и.-е. *й > слав. *у (русск. *ы*) относится к числу наиболее ранних общеславянских фонетических явлений, поэтому *й* в предполагаемом слав. *rūsъ мог развиваться только из дифтонгов *ой / *ай, в общеславянском давших *й; но в позиции перед гласным и после

и праслав. *s не сохранялся, давая общеслав. *x: и.-е. *aus- (ср. лат. *auris*) > слав. *ихо* «ухо» (Mikkola, 1, S. 42, 56, § 42, 50; Филин, 1962, с. 102—103, 107).

Известные нам попытки проследить варианты имени «Русь» по иностранным источникам носят беглый и преимущественно дескриптивный характер (Soloviev, 1957; Соловьев А. В., 1957, с. 134—155; Unbegaun, 1969, p. 128—135; Harder, 1978, S. 407—424); существующие обзоры упоминаний о руси / Руси в тех или иных группах текстов принадлежат обычно литературоведам (реже — историкам) и никогда не сопровождаются лингвистическим анализом (Lozinskij, 1929, p. 71—88, 253—269; Дробинский, 1948, с. 95—117; Шушарин, 1965, с. 420—452; Berkov, 1976, S. 297—310; Keller M., 1985a, S. 57—83; eadem, 1985b, S. 84—109). Учитывая сказанное, мы намерены, не связывая себя заранее никакой этноисторической теорией, рассмотреть ранние формы имени «русь» / «Русь» в западноевропейской традиции с чисто лингвистической точки зрения и постараться выяснить, что подобный подход может дать для реконструкции происхождения и первоначальной истории др.-русс. *русь*, а тем самым — и для древнерусской истории вообще. Западноевропейская (не только латиноязычная) традиция выбрана в качестве предмета для изучения не случайно. Во-первых, она чрезвычайно обильна и, наряду с греко-византийской и арабской, включает древнейшие упоминания имени «русь» / «Русь», относящиеся уже к первой половине — середине IX в., что на два столетия древнее, чем самые ранние письменные фиксации собственно восточнославянских лексем др.-русс. *русь*, *русьскии*, *русинъ*. Во-вторых, сравнительно с теми же византийской и арабской традициями, она поражает разнообразием форм этого этника, которое обнаруживается уже при первых его упоминаниях. Если византийские источники знают, в сущности, только два аллографа: Ῥῶς (или его склоняемый вариант Ῥῶσ(ι)οι) и Ῥούσ(ι)οι, то западноевропейские отличаются исключительной пестротой: д.-в.-н. *Rûzâra*, лат. *Rhos*, *Ruz(z)i*, *Rugi*, *Ru(s)ci*, *Ruszi*, *Ruizi*, *Ruzeni*, *Rus(s)i*, *Rut(h)eni*, *Rutuli*, *Ruzarii*, *Reuteni*, с.-в.-н. *Riuzen*, *Rûzen*, *Reuszen*, *Rauszen* и др. (везде *nominativus pluralis*). Предметом рассмотрения является древнейший период бытования имени «русь» / «Русь» в западноевропейских текстах, а именно IX—XII вв., но в силу того, что филологический анализ форм этого времени часто бывает невозможен без привлечения их более поздних продолжений, фактический хронологический охват предлагаемого обзора много шире и по необходимости включает с большей или меньшей систематичностью также свидетельства XIII—XIV, а в некоторых случаях и XV—XVI вв.

* * *

Самые ранние из упоминаний, к тому же датированные с точностью до года, — это *Rhos* «Бертинских анналов» и *Rûzâra* одной из грамот восточно-франкского короля Людовика Немецкого (840—876). Отложив до време-